

К ИДЕЕ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ СД/СМД МЕТОДОЛОГИИ

Памяти моего дорогого учителя –
Георгия Петровича Щедровицкого

«S'il n'existait pas Dieu, il faudrait l'inventer.»
(«Случись, что Бога нет, его б пришлось создать»)
Вольтер. Из стихотворного «Послания
к автору книги о трех самозванцах» (1769).

Честно говоря, тему про развитие я считал для себя закрытой ввиду ее невероятной сложности, абсолютной неподъемности и глубокой проработанности умами, до которых не считал для себя возможным дотянуться, почему и долго обитал в теплом комфорте, который эти умы создали, задав нам хорошо артикулированный массив понимания этой идеи.

Но время от времени происходящие вокруг события подталкивали меня к этой теме¹. Так, к окончанию ОДИ-29 (Вышний Волочек, 1983 г.) у меня сложилось некое представление о том, как устроена «задача», о чем я и сделал доклад на заключительном заседании. После игры подошедший ко мне ГП сказал, что, вообще говоря, его интересует именно развитие, а я, неразумный, занимался функционированием. Т.е. я, оказывается, пошел против некой, по умолчанию генеральной, линии. Почему меня тогда не интересовало развитие – я не знаю, и также не могу внятно объяснить, почему у меня шло активное понимание функционирования и задачной формы организации, которая специфична именно для него.

Годами позже я стал понимать, что без хорошо освоенной задачной формы организации деятельности нельзя будет отвести время и пространство для раскатывания как бы поверх функционирования процесса развития. Как я теперь считаю, и в позднем СССР, и в тех осколках, которые от него образовались, очень многие люди совершенно разучились работать – по-видимому, вузы перестали передавать студентам профессиональные, а именно – задачные формы организации деятельности.

Особенно это стало заметно на работе чиновников всех уровней – они совершенно не способны организовать работу по тем программам, которые им вменяются наказами «сверху». При этом не важно, какую специальность они получили в вузе: на любом студенте должна буквально «осаживаться» про-

фессиональная культура в виде задачных форм, и любой выпускник достаточно легко должен был бы входить в *любую* производственную структуру и быстро ассимилироваться ею для эффективной работы. В СССР еще 60-х – 70-х годов дебилы вылетали из институтов очень быстро, и в производственных организациях откровенных слабаков почти не было.

I. Рассуждения об основаниях

1.1. В истории человечества сложились, проявились и были отрефлектированы несколько универсумов: Права, Деятельности, Природы, Космоса, Правды, Политики...

Мы также научились строить и локальные, «искусственные» универсумы. По-видимому, в такой квази-универсум может быть развернута мощная *идея*, особенно если она подкреплена грамотно сработанной (квази-)онтологией (если идея техническая, то выраженная чертежом, если организационно-управленческая, то оргпроектом/сценарием); квази-универсум может задать и *карта*, скрыто несущая на себе идеологические функции.

Но за всем этим искусственным, умо- и рукодельным, мы *всегда* будем иметь в виду один-единственный источник – *Волю Всевышнего*. Т.е. мы имеем дело с Его Высоким Даром нам, человечеству. Также я обязан здесь сказать, что признаю Всевышнего и *единственным* источником власти.

1.2. Итак, есть два важнейших обстоятельства, представляющих *фундаментальные и субстантивные основания* наших дальнейших рассуждений:

- 1) человеку был дан Разум, и Разум был ему дан Богом;
- 2) универсумы – плоды разума.

1.3. Сделаем уточнение: *Разум, данный Господом, продуцирует универсумы, а вот отличный от него Рассудок работает с универсалиями**, – они есть «от-разумная», «из-разумная», «об-разумная» инструментализация, творимая уже самим человеком на свой страх и риск.

Нормальным, законным будет вопрос: «насколько разумно то, что получилось?» (что-то, сделанное неким человеком). Частное, единичное – продукт Рассудка – поверяется относительно *самостоятельно* понимаемого общего, т.е. *Замысла Господнего*.

* Зеленым цветом выделены слова и фразы, на которые сделаны отсылки из текста статьи.

«Разумно!» – отмечаем мы, когда кто-то на наших глазах произведет хороший рассудочный расклад ситуации.

Поступать разумно – совершать такие рассудочные, дискретные действия, которые со-размерны, со-мощны, со-ценностны Образу, со-единому с универсумом, продуцированным Разумом.

Предполагаю, что, например, ‘уважение’ может быть как универсальным, т.е. рядовым единичным актом, так и универсумальным, по-видимому, ‘врожденным’. Первый вид специфичен, например, для продавцов, второй – для... Но этот вариант лучше обдумывать в индивидуальном порядке...

Таким образом, понятно, что Рассудок, в этом смысле, вторичен, так как «вещи», им порождаемые, возникают вследствие рефлексии своего частного опыта. Рассудок – это употребленный, использованный Разум в Мире человеческой практики.

Именно специфические качества Разума и, соответственно, Рассудка целиком и полностью влияют на то, как мы видим, понимаем, фиксируем, планируем и действуем. И ничего другого быть просто не может ввиду единственности такого Дара Господнего человечеству.

Если отодвинуть в сторонку приверженность к сенсуалитичности (я бы еще и усилил – к сенсорности/сенсуалитичности), а также не принимая признания Разума и Рассудка в качестве человеческих способностей, то, думаю, вполне можно было бы согласиться со следующим общим суждением Канта²:

*«...мы определяли **рассудок** как способность **давать правила**; ... мы отличаем разум от рассудка тем, что называем **разум** способностью **давать принципы**...».*

Одновременно категорически не согласимся и с Декартом, утверждавшим что:

*«... **разум** – универсальное орудие, могущее служить при самых разных обстоятельствах...»³ (в цитатах выделения мои. – В.П.).*

Т.е. в нашей концепции это выглядит так, что – в противоположность практикоориентированному Рассудку – Разум (дарованный нам Господом) *изначально сам порождает универсумы* и ни в коей мере не может быть человеческой способностью, используемой универсальным образом. Орудийность Разума, о которой говорит Декарт в вышеприведенной цитате, не онтологична, т.е. этот тезис – ‘Разум есть орудие’ – неверный. Дискретная орудийность проявляется только в Рассудке. За счет чего?.. [Ответ будет дан ниже.](#)

1.4. Действенность этого краеугольного различия Разума и Рассудка было бы удобно рассматривать на каком-то конкретном примере, и пусть это будет Право.

Одна из любимых тем правоведческой и философско-правовой литературы – обсуждение вопроса, «что такое ‘верховенство права’?». Однако для меня это выражение означает лишь *способ поставить самих себя на самую высокую ступень социальной иерархии*. На мой взгляд, такая форма реализации юридического тщеславия привнесена Западом для того, видимо, чтобы сгладить хорошо всем известные жестокости прошлых веков, совсем не подходящие под идею права и прав. А еще – такая формула без особых усилий позволяет легко подмять под себя все стороны сложнейшей, многоцветной жизни, оставив за собой широчайшие возможности для установления единого и одноцветного порядка. Однако гораздо полезней было бы заняться обсуждением темы «что такое ‘верховенство философии?’», поскольку именно философия задает основания права, но почему-то это (почти) не делают даже те, кто профессионально занимается философией права.

Мне же гораздо ближе также часто употребляемое выражение – ‘*высокое право*’, которое я и старался сделать предметом пристального внимания. Этот вопрос буквально висел надо мной все двадцать лет моего участия в работе семинара Харьковского юридического общества (ХЮО), и, наконец, я уже могу здесь рискнуть выложить свои соображения в связи с очень непростой темой универсумальности/универсальности, а также с пониманием и различием Разума и Рассудка.

Так, Право как универсум охватывает, обволакивает общественную систему, что приводит к необходимости иметь – в области Рассудка – более-менее *единообразные* правила действия внутри (частной, единичной) системы права, обслуживающей конкретную общественную систему и все виды присущей ей субъектности, как то: государство, разного рода институции и организации, а также отдельных людей в их формальных и неформальных отношениях как между собой, так и с прочими правовыми субъектами.

Здесь важно отметить, что правила (процедуры, операции) могут быть действенными только *для одинаковых единиц* (групп единиц), иначе ими (правилами) нельзя будет оперировать. Для этого и вводятся такие *единицы-универсалы*, как ‘физическое лицо’, ‘юридическое лицо’, ‘право человека’ и многие другие, позволяющие работать с большим реальным разнообразием, но за счет одинаковых операций, применяемых к однообразным единичкам.

‘Физическое лицо’ есть универсальное «пустое место» или единичка (дискретная) оперирования, строго соразмерная какой-то другой единичке в правовой системе, так же как и какое-нибудь единичное ‘право человека’. И это не какое-то таинственное качество самих этих единичек, тем более – людей

или организаций. Дело же в том, что *они есть средства работы человеческого Рассудка*, который оперирует единичными универсалиями. Это – качество самого Рассудка!

Средствительность/инструментальность, в частности, состоит и в том, что слова, понятия, выражения и операции с ними как в работах ученых-правоведов, так и в текстах юридических документов, мы умеем (ибо научены) и обязаны *соотносить с реальной жизнью*, с нашими (и не нашими) действиями в этой ‘живой’ реальности.

1.5. Мы как-то не заметили, что «законы природы» еще у Ньютона были «законами Божьими»: «телу падать» – писал он⁴. А мы, безбожники, стали читать: «тело падает». Т.е. в Человеческом Мире, охватываемом в нашем примере универсумом Права, как и в физическом мире, охватываемом универсумом Природы, «законы» – это лишь особые знаково-знаниевые конструкции, которые искусственно формируются в области Рассудка.

За счет чего формируются? За счет *мышления*.

Мышление – это специфическая «*субъективирующая*» инструментализация Рассудка для выработки универсалий (среди которых будут и субъекты) и оперирования ими. Вот когда проявляется **орудийность**. И это – такое их качество: Разума – работать с универсумом, Рассудка – с универсалиями. Далее, выражаясь нормативным образом, это влечет *требование* из универсума Права (т.е. от Разума) о *наведении порядка* (т.е. Рассудком) в реальной жизни. (На будущее: важно, что всё это невозможно без «субъектной», концентрированной в своем выражении воли.)

И далее продолжим движение по этому примеру...

1.6. «*Идея права есть идея свободы*», – говорил Гегель.

Выбросив из Рая Адама и Еву, Господь дал им свободу, оставив, однако, открытым главный вопрос. Какой? Да такой, на который и каждый из них, и каждый из их потомков, причем лично, вынуждены будут отвечать чуть ли каждый Божий день: «А зачем мне эта свобода?»

Здесь важно: не «от чего?», а – «зачем, для чего?».

Вопрос «от чего?» ставится в парадигме марионеточности: от каких ниточек нужно отвязаться, а какие можно оставить.

Вопрос «зачем, для чего?», в противоположность предыдущему, ставится человеком, *обретающим* свою личность, свою *сущность* человеческую. Обретающим непрерывно, в течение всей своей жизни, отвечая и на вариацию этого вопроса – «что такое *быть* человеком?»⁵.

И вот для всего этого мы и из-обрели (отрефлектировали порожденное даром Господним – Разумом) так называемое «Право» – универсум – и сконструировали/смастерили соответствующий ему законосообразный *порядок* – систему универсалий, которая должна быть созвучна принятию к исполнению и нашей *высокой обязанности* (sic!), возвещенной Христом в молитве Господней, – *воспроизводит Замысел Божий*:

«Да будет воля Твоя, яко на Небеси и на Земли!»

И теперь уже пресловутый вопрос – «почему оно ‘высокое’?» – отпадает сам собой.

1.7. Так все-таки, что же там произошло – с Адамом и Евой?

Вкусив некий плод (или «яблоко», как часто почему-то пишут) с дерева знания в Эдемском саду, Ева и Адам нарушили *запрет*, или *условия/принципы* пребывания в раю. И это был первый(!) прото-*правовой инцидент*. Приобретение своего собственного (частного непосредственно внутри прото-универсумального) знания (в первую очередь – от узревания самих себя, что потом становится принципом рефлексии) повлекло раскол «кокона» Высшей Заботы и, соответственно, потерю места в нем, поскольку был произведен *несанкционированный выход* из условий/принципов. Но только после потопа, к чему приводит раскаяние Господа в сотворении ‘опытной серии’ «человеков», ‘послед’ заботы о потомстве изгнанных в ссылку за пределы рая «воспроизводится» в раскрывающемся обширном Разуме и возникающем в нем (от того Завета, для которого задавался проект золотого ковчега) *Универсуме Права*. И уже этот универсум принимает теперь на себя статус опоры/заботы, отделенной от спасенных от потопа людей, хотя и с достаточно размытыми границами.

Кокон был расколот, и вот теперь, воспроизводя его за пределами Эдемского сада, возникала замещающая его же новая оболочка – Разум. Так что скорее можно сказать, что это не Дар Господний, а... *Бремя Господне*: поди еще, подними и неси его всю жизнь/историю Человечества (почему и «раб Господний»)! Короткий опыт нахождения внутри заботливого кокона теперь нужно... *измыслить*, так как пользоваться-то им нельзя! Рая, как единственной и благоустроенной среды обитания, – *уже нет...*

Вот зачем и нужна опора: она будет компенсировать внешнюю заботу, утерянную вначале из-за отдаления и многолетнего отрыва от Эдемского сада, что привело к жестокому аутсорсингу с массовым истреблением потопом погрязших в грехах перволюдей. Так Разум (через раскрывающиеся после снятия Господом своего проклятия разные универсумы) станет продуцировать всеобщие принципы для жизни и труда, образуя далее сферу Рассудка. При этом *труд становится особым условием* для непрерывного поддержания самого существования Рассудка – стока Разума, и самого Разума.

1.8. Из всего сказанного вытекает *категорически важное следствие*: выводить Право из универсалий (каковыми, например, являются «права человека», т.е. частные, единичные права) есть грубейшая *онтологическая и логическая ошибка*, влекущая за собой разруху человеческого общежития и уход из-под Разума. Негативные следствия такого ухода мы видим на Западе, где, среди прочих мерзостей, закрепилось представление о более чем двух полах, и стали разрешенными однополые браки. Безусловная же христианская ценность (не только надуниверсумальная, но и надразумная!) – *целомудрие* – хранится и признается только в православном Мíре (а значит, – в Русском Мíре) и, наверное, еще и в традиционном Исламском.

Пример для более полного понимания: то, что называют «дедукцией», есть ход от возможной (временно допускаемой) картины-версии, *пред-*полагаемой Разумом, к россыпи единичных «пазлов», собираемых Рассудком в соответствующую квази-картину. А «индукция» – это ход от уже собранной из «пазлов» квази-картины к проверке ее на разумность в отсутствие картины-версии в предваряющем *пред-*полагании. В последнем случае часто логика работы с «пазлами» может давать сбой, выводя на ложную версию. И случается казус: «логично, но не правильно», т.е. не разумно.

Точно так же возникает похожая проблема, когда читающий/слышащий видит/слышит *распавшиеся на отдельные слова* фразы, которые были насыщены каким-то смыслом произведшего их автора во всей целостности его изначального замысла (что, если подобное произошло и в древнем Вавилоне^{6?}). Особенно тяжелый случай, когда однажды произведенные тексты отстают по времени их восприятия далеко-далеко...

1.9. Это чудесное различие (специфики Разума и Рассудка) важно иметь в виду также и при возникновении споров по многим значимым поводам.

- Так, настоящая проблема должна быть отмечена в последствиях введения ответственности, например, при так называемом «домашнем насилии». Определенно разумным мы считаем привлечение к ответственности тех, кто виноват в разной степени проявления жестокости. Однако проблема

потому и проблема, что у нас нет правил перехода из области Разума в область Рассудка, в котором должны быть представлены некие «технологии» из дискретных операций, обеспечивающих как оценку совершенного деяния (т.е. подведение ее под картину и вмонтированные в нее ценности из области Разума) и причиненного вреда, так и назначение адекватных мер осуждения.

- Мы хорошо знаем, что есть некие естественные различия между людьми, населяющими разные части Света, так почему же мы не считаем нужным учитывать наши различия и заставляем всех быть подчиненными одному штампу, изготовленному исключительно по одной-единственной мерке?

Например, общеизвестно, что у людей, проживающих в разных местах Земли, критически разные характеристики их организмов. Так, в местах со значительно повышенной радиацией «аборигены» абсолютно здоровы, а заезжающие на некоторое время посетители могут и серьезно заболеть лучевой болезнью. Аналогично, у многих жителей южных континентов в организме функционирует особый фермент, способный расщеплять пальмовое масло, а у жителей северных широт такого фермента нет, почему у них и будут наблюдаться специфические заболевания при регулярном употреблении продуктов с добавлением этого масла.

И, конечно же, яркий пример локальности демонстрируют результаты всех безуспешных (мягко говоря) попыток навязать «демократические формы правления» странам Ближнего Востока. Подобные формы правления также абсолютно не подходят и для Китая, Индии и многих других восточных стран.

- Еще пример: мы попадаем в сложную ситуацию, разграничивая так называемую «доказательную медицину» и гомеопатию. Стандартные медицинские препараты («лекарства») – универсальны (будем считать по максимуму несомненную достоверность их эффективности). Гомеопатические же препараты – индивидуальны (причем – не для людей, а для той или иной специфической ‘биоэнергетической единицы’). И большой вопрос: можно ли подвести вторые под систему требований, предъявляемых к первым? «Доказательная медицина» и гомеопатия построены на разных философских основаниях, но это почему-то вообще не интересует тех, кто, казалось бы, профессионально обязан беспокоиться о здоровье людей. Видимо, что-то было недосформировано в их профессионализме, если учет философских оснований для них не играет значимой роли.

Приведенные примеры, как представляется, демонстрируют открытые возможности для широкого использования введенного различения в такой важной гуманитарной практике, как конфликтология.

1.10. В чем принципиальное отличие устройства знания и законов внутри универсума Природы от знания и «законов» внутри универсума Права?

Для первого некие системы универсалий (даже задаваемые разными концепциями-теориями) со-едины с универсумом, они одни и те же на любой территории, покрываемой им.

Для универсума же Права (кстати, как и для универсумов Деятельности и Правды) универсалии *действены только локально*: и в историческом измерении, и в территориальном, и в ситуационном. Вот почему нельзя распространять однообразные (одно-образные) системы Законов на всю территорию той или иной страны, тем более одну – на все страны мира.

1.11. Теперь, что касается международного права.

Здесь расклад следующий: Право – это единый и единственный универсум, т.е. никакого ‘другого’ универсума Права нет и быть не может. *По принципу*, все универсумы не иерархированы и никаким образом не соподчинены – в Разуме *нет устройства*. Однако и частные системы права, обслуживающие автономные страны/государства, никоим образом не соподчинены друг с другом. Так называемое «международное право» – это всего лишь одна из частных правовых систем (причем, договорная!), поэтому она также не может быть иерархически выше и главнее других частных систем и по сути своей является системой для некой *экстерриториальной площадки*.

На этой площадке, *во-первых*, могут складываться договора, опирающиеся на всю эту специфическую правовую систему, если входящие в договор субъекты именно таким образом определили для себя единственность упомянутой системы в установленных договорным образом общих для них темах.

Во-вторых, на этой площадке могут производиться *только согласования* территориальных (страновых) правовых систем, если будет подано обращение каких-то территорий/стран/государств и со стороны этой площадки оно будет принято.

В-третьих, эта система могла бы производить некие универсальные стандарты международного взаимодействия в конфликтных ситуациях.

Таким образом, никакого верховенства рядовой универсалистской системы международного права над равноправными с ней другими частными системами права *быть не может по принципу!* (Здесь мы не рассматриваем взаимоотношения систем права и государственных политик.)

1.12. Важное разъяснение по поводу универсумальности/универсальности.

Универсум предназначен для диктата тому включенному в него, что он пользуется, а универсалия – для того, чтобы ее саму (т.е. подведенное под нее) можно было использовать (поэтому молотки и проч. инструменты пользуются люди-мастеровые). Полезно также задаться вопросом относительно часто употребляемого выражения «универсальные ценности»: ценность ли то, что используется?

Универсумальность по принципу есть «одно и единственное», она обеспечивает пространство или среду, охватывая (если не порождая!) всё прочее. А универсальность – это «одно и то же – во всём». Это то единичное/множественное/одинаковое, заведомо включенное внутрь многого и разного, что подходит для многих, например, работ без особых изменений, как одно и то же, сколько бы экземпляров этого единичного ни было произведено. В этом смысле ‘молоток’ – это универсальный инструмент, а ‘любовь’ – таинственная сила, что поглощает нас ввиду своей универсумальности (молоток – используется, любовь – диктует).

Выше уже упоминалось ‘назначение’ [мышления](#), и теперь нужно отметить открытую возможность рассматривать некий *особый тип мышления* в качестве ‘инструмента’, что позволяет категорировать его (тип) как универсальный. Этот тип мышления как бы «удлиняет» действие выпущенной на волю, в область Рассудка, силы Разума. Но это и не означает тотальный отказ от существования типа мышления, связанного с идеей универсумальности. И именно в этом последнем случае мышление вполне может рассматриваться как историческая сущность.

По умолчанию понятно, что соответствующая универсуму Права частная правовая система необходима для обеспечения всей полноты общинной жизни, а не для уютной уединенности на хуторе. Также теперь должно быть понятно, что в стране безбожников именно правовая система невозможна по принципу.

И, конечно же, увы, нет никаких гарантий того, что мы хорошо понимаем, как правильно осуществлять этот удивительный процесс – *воспроизводства замысла Господня*, и всё делаем, «как надо», поверяя со-разумность не только умом, но и... совестью.

II. Идея развития в контексте истории методологии

Эскизные наброски

2.1. Что необходимо делать, чтобы продвигаемые идеи хотя бы понимались, даже если и не принимались?

На мой взгляд, для этого нужно эти идеи *объективировать*, воспользовавшись всей своей накопленной способностью к методологической работе.

Как может быть проделана эта самая объективация? (Это лишь вариант, а не единственная возможность.)

Итак, *объективированные картины* задаются путем вбрасывания тезисов типа:

общественное благосостояние создается только благодаря существованию «жизнеспособных полноценных деятельностей», а коррумпированные деятельности поддерживают разруху в стране и государстве.

В таком же духе можно было бы говорить и о том, что все и любые деятельности часто образуют «матрешечное устройство», когда любая деятельность может либо породить внутри себя другую деятельность, либо вырастить деятельность на себе. А ввиду повсеместно распространенных случаев кооперации деятельностных единиц разного рода требуется оценка мощности и компетенции этих единиц и их взаимосоординация, согласование их темпоритмов и т.п., что выражается в образовании систем организации и управления такими деятельностными комплексами.

И ко всему подобному нужно приготовить *четкие примеры* как удачных деятельностных решений, так и очевидных «дырявых», коррумпированных деятельностных систем, когда мы видим результаты, но оцениваем их скорее как отходы, как бы «красиво» они ни выглядели.

Важно также, что для проведения процедуры объективации деятельность нужно задать *внеположенной* – т.е. *реально существующим «объектом»*, в который мы все включены по мере той или иной необходимости. А ввиду разного рода «погодных условий» и методов работы, *все* деятельности непременно подвергаются коррупции, которую нужно либо предотвращать, либо уже устранять, восстанавливая и ремонтируя пораженные порчей элементы этих деятельностей.

Конечно, я не уверен, что это произведет на кого-то затрагивающее впечатление: «Подумаешь, мы – в деятельности, я – в деятельности, а она почему-то

может деградировать... Ну и что? Я же все равно остаюсь нормальным! И не такое переживали!..» Такая реакция понятна, и она будет повсеместной и широко распространенной. Так будет происходить какое-то время, пока кто-то сторонний громко не скажет: «А почему нам раньше это не сказали?» И этот прорыв произойдет достаточно скоро и лавинообразно.

Указанная невосприимчивость, скорее всего, связана с тем, что, наверное, уже 70-80% населения не считают своим долгом работать *задачным образом*, т.е. по методу. Миллионы людей научились зарабатывать, не работая при этом...

И здесь будет очень важно рассматривать в первую очередь собственно *деятельностные разрывы* (т.е. коррупцию деятельности), а не то, что нравится или не нравится в плане политической и социальной эстетики.

Безусловно, нужно ориентироваться на хорошие примеры как методов профессиональной работы, так и разных «погодных условий» с последствиями влияния одного и другого на те или иные деятельности, а также качественная оценка дефицита средств для «текущего ремонта» деятельностной ткани в полагании значимости «ремонта капитального». (Кстати, я бы считал очень важным шагом взять в рассмотрение строительную деятельность как ведущий, главный тип.)

Очевидно, что такое полагание деятельностных «объектов» как раз и связано с *ответственностью* полагающих, так как теперь ими нормативно (т.е. навязывающим образом) задается общий для всех *деятельностный Мир*, от которого никому никуда не деться. А то, что некоторые наши коллеги часто не дорабатывают в плане объективации своих идей – это и есть один из коррупционных разрывов (в данном случае – методологической деятельности), который важно было бы устранить, что особенно касается подразумеваемых здесь известных специалистов именно по развитию.

Осталось только сделать шаг навстречу: *услышать, понять и – принять...*

2.2. Откуда возникает идея развития?

Этот вопрос напрямую связан с вопросом: откуда возникает и идея методологии, и собственно методология?

Нижеследующие рассуждения у меня появились через много лет после прочтения *второго сообщения* ГП из серии ‘о культурологии и культуротехнике’. Как и ранее, надо мной повис значимый вопрос в продолжение несколько раз повторенного вопроса ГП о процессе развития: а что же было *до* процесса воспроизводства?

«Г.П. Щедровицкий: ... все время задавался вопрос, что же это такое, когда развития нет, а процесс все время идет. Этот нарисованный процесс (Рис. 1а и 1б).

А. Веселов: Вроде бы по отношению к вырожденному случаю и процесса не должно быть, он умереть должен.

Г.П. Щедровицкий: Да. А он идет. Непрерывно. Больше того, куча умных людей только тем и занимается, что его обеспечивают. А в чем же сущность этого процесса?

— А! — сказали мы. — Есть же еще такая штука как процесс воспроизводства!»⁷

И, наконец, я ответил: до процесса воспроизводства был *процесс восстановления!* Но сначала я кое-что понял, чтобы можно было этот «новый» процесс относить к какой-то значимой сущности.

В несколькосотлетней работе (и индивидуальной, и совместной – на вече, симпозиумах и т.п. мероприятиях) древнегреческих поэтов, драматургов, философов, историков, архонтов, как мы теперь это представляем, сложилось нечто, что с какого-то момента стало рефлектироваться как Логос. Возможно, первое внятное оформление Логоса проделал Гомер, когда свел в единую систему олимпийские божества и прочую бессмертную мелкоту, и при этом, с хорошо сработанным антропоморфизмом, умудрился задать идеализацию религиозной системы, Возможно, что «жизнь людей, перенесенная в вечность»⁸ и послужила специальным приемом для такой идеализации. Позднее эту систему доработал Гесиод. А еще позже Ксенофан сделал попытку замены (с проблематизацией?) политеизма монотеизмом. Мистерии и праздничные народные увеселения скрепляли поэзис и праксис, миссионерство орфиков распространяло высокие идеи среди низов. Наверное, последнее усилие по идеализации древнегреческой религии проделал неоплатоник Плотин в условиях нарождающейся популярности новой, гораздо более мощной христианской религии (III век н.э.). «Он создал понятие бога, существующего вне всяких чувственных форм, которого нельзя ни определить, ни назвать. ... Неоплатонизм был последней попыткой сохранить и оживить греческую религию, но он не достиг цели...»⁹.

Может, я плохо и не там, где нужно, искал, но я не нашел ответа на вопрос, *чем* этот Логос поддерживается, особо не задаваясь тем, нужно это или нет, и почему это важно. В какой-то момент ‘пазлы’, которые долго-долго и по одному накапливались в моем ‘амбаре’, сошлись: это **метод!** И вот после такой чудесной находки уже можно было продвигаться дальше, пусть и на несколько шагов.

Изначально *метод* (как я стал понимать) – это форма организации *восстановления* Логоса в Древней Греции. Это был исходный процесс со складывающейся задачей формой организации... тогда еще не деятельности (точ-

нее – воспроизводства), которой (которого) не было, а лишь Логоса (точнее – его восстановления).

Растяжка Логоса, возникшая и происходившая в ходе движения на восток Александра Македонского, привела к тому, что задачная форма организации восстановления переставала работать, так как возникали все новые и новые ситуации, выходявшие далеко за рамки остававшегося «недвижимым» Логоса. Этот поход можно считать *началом истории Деятельности*: «Эпохой Александра Македонского завершается история классической Греции и Древнего Востока и начинается история эллинизма.»¹⁰

За прошедшие почти 2,5 тысячи лет после похода Александра задачная форма организации, примененная к деятельности в виде разных методов и методик, будучи удобной для переноса и воспроизводства, была хорошо освоена и воцарилась во всех видах деятельности, став их основой. Но что делать, когда метод перестает работать? Задачная форма, разбросанная по разным предметам, дисциплинам, научным и инженерным областям, в их практических реализациях, вдруг сама оказывается причиной коррупции деятельности. Хорошо убедившись в невозможности *ремонта* деятельностной ткани, приходится фиксировать эту невозможность теперь уже в виде... *проблемы*.

И тогда привлекается (здесь приходится немножко забежать вперед)... *идея развития* – идея, *решающая проблему коррупции деятельности*, т.е. образовавшихся вольно или невольно разрывов деятельностной ткани, которую «заштопать» по методу, т.е. традиционным задачным образом, оказывается невозможным. Однако мы здесь не задаем саму идею развития, что будет сделано ниже, а пользуемся пока малоосмысленным словом, придавая ему статус термина (в потенции – понятия), хотя и не совсем обоснованно.

Очевидно, что я здесь отклоняюсь от того использования понимания смысла развития, которое изначально присутствовало в работах ММК¹¹, однако это делается не в оппозиции к ранее наработывавшемуся. С моей точки зрения, описываемое ГП (в цитируемом выше докладе) расширение и обновление набора мыслительных операций есть *следствие решения проблем*, так как для задач хватило бы и старого набора. Таким образом, та фокусировка на *смысле развития*, которая задается в настоящей работе, по-видимому, представляет собой *промежуточную фазу* (скажу осторожно) ‘процесса изменения’ набора операций в области парадигматики. Фазу, находящуюся *между* двумя наборами операций, отфиксированными на рис. 6 упомянутого «Сообщения 1» (и повторенного в «Сообщении 2» на рис. 1б). Т.е. речь идет об ортогональном – отрефлектированному в схеме – процессе установления и решения проблем, уже нормативно представленном в классической статье [С.В. Наумова](#).

Это важное дополнение расширяет смысловое поле для понимания процесса развития. Важно потому, что оно значимо своей связью не столько с техническим наблюдением, с рефлексией изменений набора мыслительных операций, что было представлено в упомянутом докладе ГП, сколько с теми *духовными истоками*, которые как бы кристаллизуются в реальной жизни людей, в человеческой истории. И далее я буду иметь в виду пока только это дополнение, не затронутое в классических работах ММК, и даже попытаюсь хотя бы эскизно задать некую нормативную фиксацию 'ситуации развития' в виде [стандарта \(или протокола\)](#).

Итак, будем считать, что развитие изначально нужно для того, чтобы «свести концы с концами» на определенной *нами* (еще раз – про ответственность!) «дырке» в деятельности и довести заплатку до деятельностного состояния. А такую работу вполне можно организовать мыследеятельностным способом, т.е. временным, «околодеятельностным» и, как предполагается (в надежде, что ответственно), поддерживающим развитие.

Для объективации же идеи развития понадобилась своя отдельная отрасль – методология. Заметим здесь, что слово «методология» не вполне отвечает идее развития, но оно есть дань исторической преемственности, что немало важно для удержания среды объективации и социализации. В первую же очередь – для выстраивания межотраслевого разговора, закладывая основы особого мира – мира проблем.

Таким образом, мы подступаемся к риторическому вопросу: так что будем поддерживать – формы организации коррупции или все же деятельности?

2.3. Ну и что? Царское ли это занятие – дырки штопать?

В так любимой многими нашими коллегами схемке 'деятельность над деятельностью' вроде бы нет 'деятельности по понятию'. Вроде бы там зафиксированы всего лишь частные, единичные *экземпляры* (можно также сказать – их тип или характер).

Однако в ней же (sic: скрытым образом!) вводится идея *развития как соразмерного* универсуму деятельности. Вполне можно полагать, что в идеологии деятельностной методологии есть тeneвая, сакральная часть, а уже в ее идейном фокусе концентрируется *воля*, выражаемая в отношении владения, причем, *владения тем, что не твое*.

Выше уже говорилось, [где и как возникают универсумы](#), и сейчас, не отступая и не оступаясь, выскажу дополнительные соображения.

Рассудок усиленно работает на застройку лакун, образующихся одновременно с ростом деятельностной ткани. Коррупция деятельности присутствовала с момента исторического появления самой деятельности, а возникающие на основе метода и задачной формы организации, по своей сути – универсалистские специальности и профессии, не смогли за всю историю деятельности стать на уровень ее универсальности.

Отталкиваясь же от понятной, исторически так сложившейся, дефицитности универсалистского метода, и выражается главная, если не сказать – **царская претензия методологии**: положить идею развития как соразмерную универсуму деятельности. Понятно? Соразмерность еще ведь нужно *достигать!*

Представим себе эту **картинку**: немерено сколько тысячелетний Разум, Дар Господний, с универсумами; рядышком с Разумом – двух с половиной тысячелетняя деятельностная ткань, дряхлеющая, несмотря на кучу сложившихся мощнейших методных машин, а перед всем этим стоит ма-а-аленький человечек всего-навсего каких-то там лет тридцати с растопыренными руками в попытке объять необъятное... Как? Причем, всё и сразу! Чем?

И тут его буквально осеняет: **РАЗВИТИЕМ!**

Специально поясню, в чем состоит вот то самое ‘окаянство’ методологии, частенько упоминаемое ГП: идея развития – человеческая, а замах делается на коррекцию ‘не своего’, не рукотворного – на универсумы, т.е. на плоды Разума, Дара Господнего, и на исторически сложившуюся деятельность, и тоже – не рукотворную¹².

Заметка на будущее. Очень может быть (это же всё – совсем не очевидно!), что понятие деятельности нужно брать как специфичное для пользования Рассудком, чтобы ‘деятельность’ можно было бы употреблять в единичных случаях, принимая в расчет их (случаев) возможность воспринимать универсальные решения. А собственно универсум – это вот то ‘воспроизводство’, которое схватывается В.Я. Дубровским в его схематизации¹³.

Важно заметить, что в классической схеме воспроизводства деятельности и трансляции культуры (ВДиТК)¹⁴ собственно ‘универсума’ не найти. Это слово Г.П. достаточно часто просто приговаривал, тогда, как В.Я. вышеупомянутой схемой ухватывает универсум, что называется, прямо ‘в лоб’.

Но всё это еще требует тщательного взвешивания и додумывания.

**Да, соразмерность – это такая гипотеза,
изволенное имя претензии – РАЗВИТИЕ.
А сама-то претензия какова!**

III. Идея развития и схема-конфигуратор

3.1. Итак, [ранее я уже обрисовал картинку](#) (пусть и в словесном описании, но она вполне воображаема картиночно), как я считаю, наиболее внятную в пояснении, что такое 'развитие' и зачем оно нужно, причем, такое понимание изложено *впервые* и вполне может конкурировать со всеми прочими... если они еще были сделаны. Ее можно рассматривать и как *схему самоопределения* для тех, кто хотел бы заняться этим нескромным делом.

А в продолжение этой картинки я теперь могу более обоснованно сказать следующее...

Если не ошибаюсь, на заключительном пленарном заседании ОДИ-15 «Город»¹⁵ Анатолий Семенович Казарновский делал доклад о модели-конфигураторе, что было результатом большой предваряющей подготовки в длительном разговоре с ГП¹⁶.

Одно из важных качеств обсуждавшего конфигулятора – «уплощение разнотипных знаний» (как об этом говорится в указанной статье ГП). Однако он может быть использован не только для этого. Идея конфигулятора вполне применима к ухватыванию и увязыванию того, что не только не является знанием, но оказывается самой «природой» знаний разного типа. Так, *схему мыследеятельности (МД)* вполне можно считать особой схемой-конфигуратором (в реализации – моделью-конфигуратором), задающей *способ и форму организации развития*. И теперь можно достаточно уверенно сказать, что именно она конфигурирует (и, понятно, зачем): [МД как конфигуратор](#) понадобилась для того, чтобы *схватить* «всё и сразу», тем самым переводя в способ работы, «материализуя» *идею развития* (вообще-то пустую саму по себе!) вот тем человеком, стоящим с распростертыми руками в стремлении объять [необъятное](#).

Добавлю здесь еще одно уточнение, поясняющее, *зачем* нужно развитие: оно нужно для того, чтобы в осознании всей своей немощи перед неохватным стать хотя бы вровень с ним. И только теперь, наверное, не будет большой натяжкой считать 'прогресс' «материальным» следом процесса развития (это замечание на дальнейшее).

3.2. Резюмируя, концентрированно отметим следующее.

Что значит развиваться:

- стремиться к невозможному;
- делать невозможное;
- быть готовым увидеть в результате невероятное;

- стать *соразмерным* тому, что стремишься охватить невозможное к охвату;
- все это невозможное – и *не твое*, и *не рукотворное*;
- понятная необходимость в формировании внутренней готовности и потенцирования некоего усилия к рывку;
- осмысленная отложенность оценок рисков;
- наконец, должен быть очевиден момент срыва с языка единственного осмысленного ответа на вопрос «что делать в этой ситуации?» – **«развиваться!»**.

***Что непременно должно быть обналичено
при выкладывании идеи развития:***

- ситуация, в которой возникает эта идея;
- абсолютная значимость того, перед чем стоишь в огорошенности;
- очевидность (также и со стороны) невозможности сравняться с тем, перед чем стоишь;
- очевидность схемы самоопределения в этой ситуации;
- представленность описания этой ситуации как очевидной для внешнего читателя (в передаче всей картины к возможному воспроизводству другими).

Возможно, по инерции я бы назвал эти перечни ‘стандартом’, а в терминологии В.Я. Дубровского, наверное, будет точным использовать его термин – ‘протокол’. Стандарт/протокол либо для задания ситуации с развитием, либо для оценки ситуации на наличие развития.

3.3. Исключительно благодаря улыбнувшейся удаче в выражении собственно идеи развития приходится также отметить, что в очень обстоятельной и подробной работе [С.Л. Солина \(2008\)](#) описана не «идея развития», а лишь *следствия* ее принятости. Очевидно, что идея (подчеркиваю: *собственно и именно* идея!) – при всей глубине и тщательности этого труда – не получила словесного, выразительного оформления. Традиционный назывной способ определять что-то почему-то «развитием» требует каждый раз какой-то натужной аргументации, а возможности выхода на круг подлинных проблем вообще оказываются закрытыми.

Так, в первую очередь не поставлен вопрос о возможностях перехода от индивидуального озарения идеей развития *к переносу и распространению смысла* развития на разные (деятельностные) объекты. Множественные *смыслы развития*, а не идея развития – вот что собственно и представлено как в упомянутом труде [С.Л. Солина \(2008\)](#), так и во многих других (в том числе и у глубоко мною уважаемого [М.В. Раца](#)). При этом возникает и еще

один вопрос: а **каков смысл такого переноса**, и вообще – что именно переносится? И на него тоже пока нет внятного ответа.

3.4. Прекрасной иллюстрацией, демонстрирующей «исполнение развития», можно предложить красивейший французский фильм [«Версаль, мечта короля»](#) (2008). В блестящих немногословных диалогах [Людовику XIV](#) («король-Солнце») приходится пояснять [Кольберу](#), как величие короля (осознаваемое безусловно и самим королем, в первую очередь, и его придворными), должно послужить величии Франции с очевидностью для всего мира, и действительно – совершив невозможное: где взять деньги? где взять воду для фонтанов? где взять рабочую силу? как организовать круглосуточную работу?.. Поэтому великолепие Версаля, его потрясающих дворцов и парков, *открыто для всех*, невзирая на подданство и принадлежность к тому или иному сословию.

И вполне можно усмотреть мыследеятельностную организацию, скрыто лежащую в основе «проекта» Версаля: диалоги с интендантом финансов, садовниками, архитекторами, строителями, в которых обсуждаются замыслы, постепенно превращаются в поражающее воображение живое воплощение французского духа (здесь было бы полезно вспомнить [идею С.В. Наумова](#)).

Послесловие

Если, наконец, спросить, так что же такого сделано в этом небольшом труде, чего не сделали глубоко почитаемые автором ни Платон и ни Аристотель, ни Роджер и ни Френсис Бэконы, ни Гегель и ни Кант, ни Зиновьев и ни Щедровицкий, а также ни многие другие подлинно великие умы человечества?

И ответ будет несколько странноватый и не очень скромный, поскольку рискну сказать, что здесь сделано невероятное и далеко неочевидное, ибо:

здесь подан пример органичного единства **Веры и **Разума**...**

Что дальше? Какие-то вопросы уже помечены ([1](#); [2](#); [3](#); [4](#); [5](#); [6](#); [7](#)), постоянно возникают новые – стремление ответить на них и будет в дальнейшем поддерживать движение автора в океане Разума...

Кейс

О практическом различии Разума и Рассудка.

Пример того, как рефлектируется различие разума и рассудка, пусть и не поднимаясь в категориальный план, но в таких словах, которые в совокупности легко представляют указанное выше принципиальное различие.

Материал взят из передачи [«Вечер с Владимиром Соловьевым»](#) от 18.01.17.

Временной промежуток цитируемого высказывания: 44:02-46:30.

Контекст: речь идет о необходимости решать мировые проблемы с обязательным участием США и РФ. Суждение высказывает Ариэль Коэн, ведущий эксперт Атлантического совета (США). В юности А. Коэн переехал в США из СССР, учился в американских учебных заведениях, русским и английским владеет в совершенстве. (Цитата приводится практически без всякой правки, но с купюрами, когда делался существенный отход от нашей темы.)

Ариэль Коэн: Американцы, в отличие от россиян, не выбирают какую-то новую концепцию, глобальную. Мне, когда я переехал и учился там в школе, колледже, было очень странно, что нет общей концепции идеологической, а начинают всё разбивать на какие-то ситуативные моменты, пытаются их решать. И только потом можно прийти или не прийти к новой концепции.

У россиян – наоборот. Мы хотим сразу всё перемешать, перелицевать, переделать, переформатировать и из большой концепции уже решать какие-то местные вопросы, будь это Сирия, будь это Европа, будь это Украина.

Мне кажется, нужно начать с того, что легче всего решать, и я сейчас скажу парадоксальный вопрос: легче всего будет договориться по Сирии. По Украине, которая близка географически и глубокие очень связи исторические, и есть реально украинский национализм – гораздо труднее будет договариваться. Возможно, будет (легко) договориться по Европе. <...> И очень тяжело будет договариваться по Китаю...

Здесь очевидно, как американец фиксирует разницу в подходах (в его, американца и бывшего россиянина, *видении*): у русских *ход* делается *от разума*, у американцев – *от рассудка*.

Со-мнения по поводу идей
в текстах о власти и управлении
дуэта Рац&Котельников
На подступах к основаниям

1. С идеей развития тесно связано ее понимание и использование ее нормирующей силы в приложении к сфере управленческой деятельности и системам власти. И на этом поприще конечно же складываются различные групповые смыслы и техники работы (тем более – с серьезными различиями и в разных сообществах), однако всегда остается возможность (да и необходимость тоже) замечать друг у друга недочеты и выносить их на общее обозрение.

Так, с сожалением, приходится констатировать, что глубоко мною уважаемые авторы серии весьма объемных текстов о власти и управлении *понятия власти* так и не задают. И с одной стороны подбирались наши коллеги к его полаганию, и с другой, и с третьей, но... кроме множества открываний разных обсуждений внятности читатель не получает. И с самого начала, задавая «предмет» своего интереса (или это не предмет?): «мы говорим о власти и управлении как о двух основных способах правления», – все же хорошо было бы попутно и разъяснить, а **чьи** же именно эти «способы»? Но ответа и на такой вопрос не найти...

Все старания авторов были заявлены как направляемые для устранения потребности в совершенно определенной стране, но в текстах абсолютно отсутствует представленность страны в конкретике, в тех существенных ее чертах, которые важны для выбранной тематики. Хотя, а зачем? Ведь самые точные представления можно с «расколдовывающей» объективностью заменить «прекрасными публицистическими выступлениями Ю. Латыниной». Видимо поэтому нет ничего конкретного, кроме названия страны и традиционного пинания верхушки ее системы правления. И, конечно же, считать правдивой для России (а именно она и есть та страна, забота о которой и проявляется) объявленную фиксацию отсутствия в ней «господства права» – означает принять и признать очередную фальшь.

Однако, как говорил Жванецкий: «А без покойника?» Т.е. интересно спросить ярых противников властной насильственности: а нельзя ли обойтись вообще **без любого** господства? Почему нельзя развивать просто правовые отношения без всякого даже *их* господства?

Но для меня здесь важным оказалось совершенно *другое*(!), за что я безмерно благодарен авторам: они **заставили**(!) меня задуматься о том, как же они положат на лопатки леденящий душу ужас «властного отношения господства/подчинения между людьми»?

2. Итак. В первую очередь – что должен сделать специалист по схематизации, глядя на схему: узреть, углядеть, выявить, понять (я бы даже сказал – «выпонянуть») принцип/идеологию, на котором/й рассматриваемая схема построена.

А вот теперь – **мой главный тезис**:

знаменитая классическая схема «деятельность над деятельностью» (Д/Д) со всей абсолютной очевидностью демонстрирует, что внутренняя деятельность находится полностью во власти внешней! ©

(Копирайт от моего имени, и если кто-то найдет это суждение высказанным уже и кем-то раньше меня – сниму сразу же).

Включенность означает категориальную (и даже категорическую) **подвластность** – это и только это есть совершенно очевидно манифестируемый **властный принцип** данной схемы!

И пока у меня создалось глубокое впечатление, что *Рац&Котельников* сами не поняли, что они написали: «...мы понимаем Щедровицкого так, что предложенная им схема управления как раз и реализует позднейшую мысль Попова об освоении власти и искусственно-техническом отношении к ней. Именно в рамках управления, *в системе Д/Д власть из самодовлеющей сакральной сущности превращается* (курсив мой. – В.П.) в средство правления, рациональной регуляции человеческого общежития»...

Если бы поняли, то прямо бы так и сказали, что схема «Д/Д» (**схема 4**) и есть **первая** и **главная** схема про власть, а не какая-то там смешная кибернетическая схема с обратной связью (**схема 5**), а так это пришлось сказать мне. Так что даже высказанное авторами их собственное суждение об этой схеме – «в рамках правления о (нижней) подсистеме, которой правят» – нельзя трактовать никак иначе, чем это сделано в моем тезисе. Но они же сами отказались от этой главной идеи!

Еще заметим, что, повсеместно ругая и даже презирая «власть человека над человеком», нужно понимать, что такую власть на Земле еще нужно поискать, поскольку ни в Белых, ни в Красных домах ее точно не найти, хотя кому-то и очень хочется прищучить их временных хозяев...

Здесь нельзя не привести замечательный пример Николая Теркина (он ввел его на «круглом столе» 20.06.17 в рамках цикла семинаров В.Г. Марача) после очередного выступления М.В. Раца), прекрасно демонстрирующий идею власти как раз в соответствии со схемой Д/Д. Он предложил вполне очевидную и понятную (пусть и натуралистичную) картину, где птичка, сидящая в клетке, оказывается окруженной деятельностью, которую в общем виде можно характеризовать как «забота об объекте естественного типа». 'Естественный тип' объекта важен именно для схемы, так как нужно обязательно учитывать собственную 'жизнь' «внутреннего объекта». А если мы будем иметь дело с живой птичкой, то, безусловно, забота о ней просто необходима: «Мы отвечаем за тех, кого приручили». И, безусловно, власть осуществляется только над живым объектом. Кстати, можно логично продолжать эти рассуждения, обращаясь к практике дрессировки тех же самых птичек, например, обучая их пению и человеческой речи.

Сам Н. Теркин не соглашается (о чем он сказал на том же «круглом столе») с такой интерпретацией его картинки, считая в ней важным только лишь *смысл власти*, однако, с моей точки зрения, это его представление полностью соответствует упомянутой схеме Д/Д именно как *схеме власти* с деятельностной характеристикой (типа упомянутой заботы) как *следствием* властного отношения.

Идея власти конечно же была всесторонне освещена в очень сильной книге [Рифата Шайхутдинова «Охота на власть»](#), при этом в тот объемный схематизм власти, который в ней задан, подмеченный здесь [властный смысл классической схемы Д/Д](#) по какой-то причине не вошел. Однако, на первый взгляд, – одно другому никак не противоречит.

3. Хотя вышеположенный тезис и ключевой, но он ни в коей мере не означает, что «материя» (или «субстанция», или «сущность» и т.п.) власти определена (задана) как деятельностное «образование», нет! Но он означает, что собственно власть (в таком выражении, на таком принципе, т.е. на другом – возможно, будет и другое) является «источником»(!) деятельности. Можно также сказать, что собственно власть «невидимым, скрытым образом» (так, и никак иначе!) стоит за – уже деятельностным – **выражением** ее в виде этого изображенного отношения «Д/Д».

Что было бы еще важным отметить, так это то, что «власть» полезно рассматривать не как некий «объект», а как достаточно широкую **тему**, у которой есть исторически оестественное рафинированное ядро (то самое, которое становится источником деятельности), уже хорошо проявившееся за всю Историю Человечества. И это ядро нужно ухватывать не одним, а несколькими словами-понятиями, в том числе и такими, как: «властвование», «правление», «воля», «государство», «иерархия/гетерархия», «республика»,

«монархия», «администрирование», «хозяйство», «владение», «распоряжение», «управление», «собственность», «коррупция» и определенно многими другими, на что указывается в упомянутой выше книге [«Охота на власть»](#).

Можно сказать и более жестко: понимая недоступность власти к узреванию, когда мы можем работать только с ее (часто субъективированными) «овнешненными выражениями», не нужно надрываться в ее предметизации, хотя выстраивание, разворачивание **темы про власть** в разных поворотах, с разными векторами будет специфическим дискурсивным набрасыванием некой квази-предметизации.

Итак, **не «объект», а «тема»**, что будет предъявлять совершенно особые требования к освещению и излагаемому содержанию. При этом многое будет зависеть уже и от конструкции текста, в котором автор будет пытаться ловить указанное ядро, а еще ведь нужно будет к ядру привязывать обязательную периферию: так, княжий двор – это ближайшая периферия властного ядра, государство и страна – более широкая, если мы говорим о «государственной власти». Аналогичным образом нельзя будет ядро отрывать от соответствующей периферии и в каком-то другом описываемом случае, иначе нельзя будет показать эту пресловутую власть читателю/слушателю текста по тематике власти.

И, конечно же, отношение «ядро-периферия» – это не закрепленное раз и навсегда отношение, это никакой не закон, но оно должно будет ответственно задаваться в каждом новом случае, имея новое конкретное выражение в очередной конструкции нового текста. Таким образом, можно было бы уйти от жесткости онтологического предмета и заниматься исключительно (пусть и мозаичным) предметом (поли)тематическим.

4. Не менее важно также считать сакральность власти ее существенным, скорее даже – *сущностным* качеством. Непонимание этого, отказ от признания сакральности неотъемлемым качеством власти приводит к безграничному, бесконтрольному освобождению манкуртизации. Однако авторы обсуждаемых текстов предпочитают таких последствий не замечать. Их апологетика рациональности и отнесение непознаваемых сторон развития человечества (в том числе и такой его компоненты, как власти) к помечаемой презрительно-саркастически и безапелляционно области иррациональности вместо признания именно сакральности ведет к ускоренному разрушению сути человеческого.

Кому-кому, а уж нам-то можно было бы легко заметить: человеческая корысть (а ее точно было бы легче отнести к области иррационального) растет гораздо быстрее, чем возможность установления правопорядка (безусловно, из области рационального), с чем мы хорошо знакомы по трагическому при-

меру довоенных репрессий. Сотни тысяч стали объектами преследования их тысячами, но совсем-совсем не тем, одним и единственным источником правопорядка, на который потом все грехи этих тысяч так лихо и свалили: иррациональность – вот в этом массовом восприятии и проецировании на одного, а не в осмысленном введении квот на расстрелы. Пальцем ткнуть в одного – удобно же, и результат в массовом сознании – на века! Слово-то было – **отвластное**, как же: «невинно осужденные»!.. Слово, запущенное в оборот трусливым убийцей, палачом, у которого руки по горло в крови, продолжает ослеплять миллионы и сегодня...

Вот такой яркий пример техники NLP, потрясающий своими масштабами и мерзкими результатами!

5. Еще несколько важных моментов.

(1) Власть (живая) обязана иметь волю к формированию собственной концепции «правления» с дальнейшим проведением ее в жизнь. Кстати, и для подчинения, и чтобы вырваться – тоже нужна воля. Вообще, похоже, что проявление воли – это разовый «акт», и если их черед, то одиночных.

(2) Никакие законы не смогут заменить использование воли во власти. Упование на «господство права» – правовой инфантилизм.

(3) Именно воля будет выражена либо в концентрированном виде при президентской республике, либо в виде борьбы групп при парламентской; для каждой страны (с непременным учетом ее масштабов, истории, географии, этнографии *etc.*) хорош свой вариант – важно не сделать исторической ошибки.

Как ни странно, воля (как и дух, ухватываемый в признании сакральности) оказалась не охваченной в истории методологического движения. Однажды я уже на это указывал, делая очередной комментарий при редактировании материалов IV-й Методологической конференции по схематизации (2010 г.)¹⁷.

Там я высказал следующее скромное предположение, что именно введение рамки (причем, никогда не упоминавшейся в словесных описаниях схемы!) хорошо соответствует функции воли. Только при таком взгляде и трактовке становится понятным возможность *удерживания в единстве и согласованности* всей целостности элементов акта действия.

6. К этим размышлениям меня подвигло *категорическое несогласие* со многими моментами этой серии текстов глубоко уважаемых мною авторов, т.е. в полной мере с их представлением как того, *против* чего они боролись, так и того, *за* что они стоят.

Почему? Я твердо считаю, что **установка** на цитированный авторами тезис А. Пузыря («Управление же вводится как особый метод правления, ориентированный именно и только на деятельность, но ни в коем случае не на человека. Метод, исключаящую всякую попытку, пользуясь словами А. Пузыря..., “что бы то ни было „делать с“ другим человеком”») – **в корне ошибочна, крайне вредна и критически бесперспективна.**

Ну как почему? Я же специально **выше отметил**, что «они **заставили(!)** меня задуматься» – это разве не *прямое их действие на меня?* Важное, значимое и совсем меня никак не обескураживающее, не унижающее – я это действие вполне уловил, причем, с благодарностью! Это был вызов – вызов, который я принял как вызов моему существу и на который я не мог не ответить.

7. Отдельно нужно отметить, что рассматриваемые нашими коллегами различные системы и режимы правления как в их изложении, так и в изложении цитируемых ими авторов упускают важнейшую компоненту таких систем. Какую?

Я категорически не соглашусь с нашими коллегами в той части их размышлений, когда они ратуют за «бессубъектную власть» в виде Закона. Любой Закон отрабатывается различными институтами в виде множества организаций, которые и служат субъектами. Законы иначе работать не могут.

Но есть один-единственный случай бессубъектной власти – это власть идеологии¹⁸. Рассмотрение же систем и режимов правления, не замечая значимости для их специфики идеологии, ведет к неадекватному восприятию сути дела. Страна, народ, государство несут историческую преемственность и удерживают всё свое единство исключительно благодаря идеологии. Кстати, религия – это особенная сторона и форма идеологии.

Так что все системы и режимы правления нужно понимать и конструировать, только и исключительно задавая **различные комбинации отношений между идеологией, властью и народом/населением**¹⁹, считая это гипотетическим ядром «конституции» любой общественной системы.

Методологические околичности *Рассуждения для понимания идеи конфигуратора*

Ну, Ридингс!.. Ну, ... Не знаю, как там Бриан, но Ридингс – точно голова!

«...приписывание Мышлению сигнификата, акт провозглашения того, что значит мыслить, неизбежно является политическим вопросом в минимальном смысле, т.е. агонистическим мгновением конфликта, в котором обнаруживается разница, затрагивающая суть дискурса. Иными словами, вопрос: “Что зовется мышлением?” – это всегда не просто теоретический вопрос, на который могла бы ответить полностью обоснованная эпистемология.» – Одно это чего стоит!

Однако сейчас я углубляюсь в Ридингса не по поводу мышления, о котором ниже, а по поводу коммуникации:

«Обращать внимание на адресата – не значит просто пытаться определить условия восприятия дискурса, так как это вновь привело бы к монологу. Слушающий – не пустая голова, которую изображают на контурных рисунках, иллюстрирующих представление Соссюра о коммуникации. Соссюр сказал бы, что коммуникация – это передача сообщения от отправителя к получателю, который молчит и существует лишь в качестве приемника. Сообщение передается от отправителя (опустошаемого полного сосуда) к получателю (наполняемому пустому сосуду). Диалог в этом случае представляет собой простой обмен ролями между собеседниками, в ходе которого первый отправитель становится “пустым” получателем, и т.д. Бахтин же, наоборот, указывает (мне кажется, правильно), что “воспринимает чужое высказывание не немое бессловесное существо, а человек, полный внутренним словом. Все его переживания – так называемый апперцептивный фон – даны на языке его внутренней речи и лишь постольку соприкасаются с воспринимаемой внешней речью. Слово соприкасается со словом”.

Поэтому я склонен отказаться от модели коммуникации Соссюра в пользу того, что Бахтин назвал диалогизмом. Данный термин часто понимают и употребляют превратно. Диалогизм Бахтина – это не просто способность попеременного или серийного монолога, не обмен ролями, позволяющий собеседникам говорить, лишь когда до них доходит очередь становиться монологическими отправителями (как в случае Сократа). Голова адресата наполнена языком, поэтому история коммуникативной трансляции не способна адекватно опи-

сать то, что происходит при лингвистическом взаимодействии. Адресат, будучи скорее интердискурсивным, чем интерсубъективным, не является виртуальной точкой сознания (*tabula rasa* воспринимающей шишковидной железы, как сказал бы Декарт). Любое сознание – это сознание языка в его **гетерогенной множественности**. Понимание и непонимание, так сказать, переплетены в качестве условий лингвистического взаимодействия. Коммуникация не может быть передачей готового смысла, поскольку значения слов меняются от высказывания к высказыванию, или, точнее, от идиолекта к идиолекту. Слова отправителя занимают место в массе идиолектов слушателя, и разговор приобретает смысл в дискурсивном акте, над которым ни один из собеседников не властен. Таким образом, учитывать адресата – значит вписывать в дискурс радикальную апорию. Это значит в своей речи принимать во внимание то, что можно назвать бездонным пространством прочтения другим человеком: **мы никогда не знаем, в ком наши слова отзовутся.**²⁰

На таком внятно проведенном различении точек зрения Соссюра и Бахтина наконец-то я стал понимать, что меня всегда беспокоило и чего мне не хватало во всех схемах коммуникации – и в «старых»²¹, и в «новых» (в [схеме МД](#)).

И, понимая, точнее – перепонимая, что бы я стал делать сейчас...

1. В слое мысли-коммуникации схемы МД теперь (с моей точки зрения) нужно было бы «стереть» позицию «понимающего»!

Она – не то, что лишняя, она – категорически неверная и даже... фальшивая. Нет, и не может быть, такой постоянной(!) позиции – «понимающий» – в непоколебимом составе схемы МД, где положены разные позиции в их категоризованных типах. Т.е. такой позиции не может быть по простой причине: «понимающий» – это не категориальный тип, поскольку он есть не более чем временный продукт («продукт» – вот это тип!) рефлексии, и у такого продукта временной сборки рефлексий в понимании, или – в понимание, а точнее – посредством понимания, не может быть образца. Да, сначала – особый продукт, а затем – специфическое средство²². Вот так здесь работает рефлексия. А кто сказал, что рефлексия работает без средств?

Что же нужно класть в место (или вместо) «понимающего»?

А в место этой жестко отфиксированной позиции сейчас важно положить (мы говорим о схеме, но полагаем и соответствующую реорганизацию собст-

венно коммуникации и собственно МК в собственно МД) некие графемки (sic!) **полей** двух типов:

1) *поля языков, понятий и слов*, – теперь позиция «понимающего» становится единичной из всей дискретной массы множества «позиций-продуктов/средств», вырабатываемых/пользуемых разными рефлексиями (а уж их на схеме МД врисовано достаточно много);

2) *поля следов*, создаваемого имеющимися рефлексивными позициями, внутри себя заведомо неуравновешенного и вполне позволяющего «видеть» его как динамичный и непрерывно вырастающий пучок из массы позиций с вторичными, третичными и т.д. «текстами понимания» – произведенными рефлексией посредством понимания, т.е. – строго не одной позиции, как это было до сих пор.

Таким образом, первый тип поля есть не что иное, как открытая связь(!) с культурой, размыкающая наконец схему МД. И это я считаю главным результатом всей этой работы.

Пока нет специальных графем (а может, и без них станет привычно) для введенных типов полей, можно использовать аббревиатуры: поле первого типа обозначать как ПЯ (поле языков, понятий, слов), и поле второго типа – ПС (поле следов от концентраций понимания).

Кстати сказать: мы привыкли словом «позиция» именовать исключительно рисованного человечка. Однако, с точки зрения графикации, или «чертежной культуры», «позиция» – это просто «место на чертеже/схеме». Поэтому любая значимая черточка или группа символов/значков/букв на наших схемах имеет полное право считаться позицией внутри, в границах той схемы, где они были нанесены. Но здесь мы не будем отходить от наших сложившихся привычек и продолжим употреблять слово «позиция» только в закрепившемся (в СД/СМД-движении) значении.

2. Очень важно, что обычно используемая трактовка коммуникации как «акта коммуникации» теперь может быть внятно уточнена и соответственно урезана: да, акт (точнее – акты) – есть, но не коммуникации, а... понимания (единичного, дискретного)!

Рефлексии разных ориентировок/интенций используют в качестве исходного материалы, инструментов и средств нужное из поля языков, понятий и слов и производят в виде продукта акта понимания очередную – частную, единичную – позицию понимающего, а вообще-то – богатую (как ранее уже указывалось – пучки) «гетерогенную множественность» (пользуясь подсказкой Ридинга). А эти частные продукты сразу же используются как частные средст-

ва (для рефлексий; по мере надобности им) понимания. Очевидно, что только в таком случае не нужно выдумывать никакой другой схемы «акта», кроме использования уже имеющейся (т.е. классической схемы акта действия), причем, понятным образом ограничивая себя пресловутой «бритвой Оккама» в отношении привлечения какого-то другого структурного комплекса, отличного от известного нам акта. Я бы также сузил или ограничил понимание традиционной схемы акта до акта именно *действия*, а не деятельности, имея в виду серьезную привязку понятия деятельности исключительно к схеме ВДиТК. Тогда такое сужение делает схему акта универсальной, т.е. позволяет ею пользоваться и в отношении 'действия рефлексии' посредством 'позиции (определенного!) понимающего'. Как следствие – понятие 'акт' в слое мысли-коммуникации будет применяться только в отношении позиции рефлексии, обсуживающей место 'понимающих позиций', а не ко всему слою.

При этом также очевидно, что первичный текст (подвергающийся дальнейшему пониманию) может быть коротким или длинным, «живым» или книжным, а когда он входит в понятие акта (но уже за символом «разрыва» текста, т.е. на стороне позиции понимающего), то самое место ему быть там «исходным материалом» для последующего вытягивания из него значений и смыслов и подбором конкретной позиции понимающего из того или иного поля. И нет ничего страшного в том, что этот текст может быть отнесен к монологическому типу.

Здесь обязательно еще нужно отметить, что нет никаких запретов на то, чтобы рефлексивные позиции считать производительными – производящими временные средства понимания в виде позиций единичных понимающих.

3. И вот еще важнейший момент. Конечно же, нельзя пройти мимо законного вопроса: а как же раньше мы считывали схемы коммуникации (и старые, и новые) – там же в обязательном порядке (ну, обычно, хотя не и обязательно) присутствует sdвоенная/строенная стрелочка текста «произносимого», т.е. до символа «разрыва» его с текстом «понимаемым»?

Пока я мог бы это объяснять следующим образом. Как мы смотрим на схему, в каком «времени» мы ее воспринимаем: в *present perfect* или в *present continuous*? По-моему, мы как бы естественным образом смотрим на неподвижные графемки как на всё уже свершившееся, хотя, наверное, схему Деятельности (ВДиТК) мы все же считаем кусочком непрерывно движущейся «ленты» без начала и конца. Говорю исключительно про себя. Однако я не припомню в литературе каких-либо указаний на то, что упомянутый здесь текст (из картинки коммуникации) был бы как-то связан, например, с культурой, тем более – в контексте выхода вовне схемы МД, так как не все же пространство 'жизни/жизнедеятельности' захватывается в МД-проекте. С признательностью повинюсь, если кто укажет на мою дремучую неосведомленность.

По-моему, все же этот текст (по инерции, не рефлексивно) обычно-привычно рассматривается как «готовый», т.е. не нуждающийся в непрерывной интенции к культуре или в непрерывном форматировании его культурой. И я бы так это и оставил – левая сторона схемы коммуникации или слоя МК в схеме МД вполне это допускает. Ну, пока буду считать так. Но вот то, что происходит в правой стороне этих схем, та динамика, которая возникает от непрерывной дискретной массовизации пониманий – это не могло оставаться в «молчащем» однообразном стоянии. Здесь *present continuous* должен был получить свое актуальное выражение, что я и пытался осуществить.

4. Все многоцветье концентраций понимания теперь задается неким символом/знаком/графемой 'поля второго типа' (ПС), но не позицией, тем более – одной-единственной. И это поле заведомо несводимо к единственной (как ранее) позиции «понимающего», поскольку последние, как уже было сказано, категориально атипичны и, безусловно, не универсальны. Они формируются под разные 'цели', 'интересы', 'намерения', даже 'вкусы' и прочие ориентировки и интенции рефлексий, ищущих и испытывающих способы целномыследеятельного ухватывания и выражения смыслов. Таким образом, в этом месте схемы коммуникации, или пояса МК, кладется указание на тип поля (продуктное, средстввильное), а не на тип позиции. И именно это многоцветье теперь имеет смысл считать похожим на «стекляшки в зеркалах калейдоскопа», поднимая в памяти схему зеркал МД из новоуткинского доклада ГП (рис. 1, 7.07.83). При этом вроде бы нет надобности обращаться к идее синтеза частных позиций «понимающих», или их интеграции, в слое мысликоммуникации (или в «фазах» понимания). Но такая задача вполне может возникать при совершении перехода к нижнему слою МД – слою коллективного действия (Мд).

Парадоксальная вещь: вроде бы в схеме нужно изображать всё необходимое, чтобы было видно, «про что» она, а тут предлагается «стереть», как со стекла, графему ввиду ее неадекватности сути этого места. Зато после вот такой протирки стеклышка становится видной подлинная внутренность «аквариума». А уж после этого на стеклышке может проявиться и новая картинка...

Вот таким образом схема МД и становится открытой!

5. К прояснению того, «что такое» *собственно* коммуникация.

Изображения коммуникации, к которым мы давно и устойчиво привыкли, – это ответ на вопрос «как устроена?», а не «что такое?». Надеюсь, очевидная разница понятна.

Так что изначально исходить из того, что «мы знаем, что такое коммуникация», неверно, да и просто избыточно хвастливо. Мы не знаем, что такое

коммуникация! Конечно, многое уже было прояснено, например, в известной работе ГП «[Смысл и значение](#)», однако используемая там схема (схема 4) – это не онтология, отвечающая на вопрос «что такое коммуникация?», а *модель*, необходимая для проводимого и описываемого исследования. (Странно, что никто, никогда, нигде про это не упоминал... или опять можно сослаться на мою дремучую неосведомленность...)

Искать же ответы на этот вопрос следует не столько в ‘инженерной’ действительности, когда мы говорим о том, что коммуникация *связывает* мышление и действие, или она служит *стержнем* схемы МД (о чем часто говорил ГП) и т.п. Такой ответ важен, но он – не онтологичен. А для ухватывания сути, сущности коммуникации (а ведь именно ее призвана припечатать онтология) ответ нужно искать среди таких категорий/понятий, которые сразу позволят открыть ход в историю.

И, со своей стороны, я дал такой ответ: **коммуникация есть природа мышления и действия**; они «вырастают» из нее.

Сразу напоминаю и свою старую [максиму](#), полностью отвечающую этому абсолютно новому суждению: *человеческий Мир – это разговор*²³.

Эти идеи подсказали мне и причину, по которой вполне мог быть обвинен Сократ: он развращал молодежь, причем, с безразличием относясь к их социальному статусу, втягиванием их в разговор и разворачиванием коммуникации. Порождаемое при этом мышление открывало молодому человеку собственное *видение* окружающего мира, что не могло не беспокоить отцов города. Вот это и было признано преступлением.

Гипотетически уверенно мы, конечно же, знаем, что, с одной стороны, мышление давным-давно «состоялось» и имеет свое «историческое бытие». Но, с другой стороны, мы почему-то считаем необходимым *иметь его в наличии*, когда нужно ставить и решать новые задачи. Так, в ОДИ запускалась коммуникация, и из нее уже можно было «вытягивать» мышление аудитории. Определенно, МД можно (и нужно) использовать инженерным образом и с помощью других форматов (не игровых). И также нужно иметь в виду, что у *действия* (в отличие от мышления) немножко другая ‘жизнь’ – оно не имеет собственного «бытия», обитающего в вечности.

Важный момент, который может быть упущен ввиду того, что привычные для нас схемы коммуникации и устоявшийся по этой теме методологический дискурс не дают возможность зацепки с разговорами, которые будут касаться «культуры» и культурологии. Мы давно знаем, что уже различие в использовании термином «культура» создает большие проблемы для взаимопонимания. Никому из «других миров» невозможно объяснить, зачем нужно то понятие культуры, которым пользуемся мы. А всего лишь [четыре вышеупомянутых](#)

(кроме известных статей) классических текста докладов ГП касательно культуры не стали основой *развернутого дискурса* даже в методологической среде и не дали более широкого, развернутого поля обновленного содержания, чем то, что в них и было забетонировано.

Ввиду указанного еще раз обращаю внимание на то, что здесь я даю некоторое обоснование привязки понятия культуры к схеме МД за счет малозаметного, но самого значимого (с моей точки зрения, конечно) момента. В коммуникации присутствует *слово*, и именно это (и только это!) позволяет обнаруживать связь МД с культурой, которую мы понимаем исключительно в рамках схемы ВДиТК.

Также важно, что *слово связывает* индивидов, существующих автономно и порознь, не нарушая их суверенитет.

К этому случаю считаю важным обратить внимание на широкую аргументацию в пользу моего тезиса, приводимую не знавшим ничего о методологии (и я бы даже сказал – великим!) Б. Ридингсом – по упомянутой выше его замечательной книге буквально рассыпаны важные для нас сведения о том, что масса культурологических исследований на Западе производится на филологических факультетах университетов. А у нас, к сожалению, и такой значимый тематизм как «язык», также не получил своего развития в МД-дискурсе.

Вот почему я считаю важнейшим делом фиксацию внимания именно на *слове* – это может оказаться чуть ли не единственной ниточкой, которая поможет связывать мир методологии с другими мирами по поводу коммуникации.

6. На какой-то игре, кажется, в Красноярске (ОДИ-50, КГУ, сентябрь-1986), **Сергей Наумов изображал схему МД** закрытой со всех сторон, и только сверху оставлял эту «бочку» без «крышки», говоря, что через слой Мышления вся МД открывается Духу... Впоследствии я не помню продолжений этой его идеи (но, возможно, кто-то и наблюдал), и схема МД, хоть и без рисования ее в бочкообразном состоянии, тем не менее, не становится от этого открытой. Она замкнута сама на себя, она – сама в себе, что вряд ли соответствует реальной МД. И лично для меня всегда стояла проблема согласования этой схемы со схемой Деятельности (ВДиТК). Схема МД никоим образом (по крайней мере – в своем изображении, а не в чьей-то интерпретации) не предполагает связи с культурой (это было важным для меня, что не обязательно для кого-то и чего-то иного), что я считаю большим ее недостатком.

Маловато и безосновательно как-то говорить, что Д и МД – это, мол, разные парадигмы, и как только отрефлектировали/изобрели схему МД, так сразу же схема ВДиТК потеряла свою адекватность и действенность. Уже одно то, что гораздо более ранняя схема ВДиТК вполне отвечала ее использованию в ка-

честве онтологической, отличает ее от схемы МД, уже таким функциональным потенциалом не располагающей. И вообще-то понятно, что у той схемы, которая служит рукотворной организации по ее реализации, не может быть такой компоненты, как – конечно же, нерукотворная – культура²⁴. Естественность/историчность в схеме МД безусловно не может быть задана.

Все же хотелось бы (может, по моей наивности), чтобы сила более ранней парадигмы не терялась в складывании новой, даже несмотря на новые значимые обретения. А это значит, что хорошо бы найти специфические операции «взаимобратного» перевода рабочей ситуации от схемы МД к схеме ВДиТК, при этом возможность «прямого» разворачивания – Д в МД и обратно – остается под запретом ввиду указанных выше оснований. Пусть и этот вопрос остается подвешенным даже при том, что, используя маленькую методологическую хитрость в виде «комнаты», мы вроде как умудряемся разворачивать ситуацию, пользуясь ортогональными полаганиями этих принципиально разных схем.

7. Теперь еще рискну высказать следующую *максиму*: любая и каждая (настоящая) методологическая схема – это символическая связь с универсумом (*воспроизводства?*), а также – особый конфигуратор, и каждый раз нужно внятно прописывать, что именно она конфигурирует. Поэтому буду считать, что схема МД как конфигуратор есть идеализация способа и формы организации втягивания/разворачивания идеи развития, и одновременно – единый «комплекс технических требований» для МД реализуемой:

- *нужно* строить коммуникацию;
- *нужно* продуцировать мышление;
- *нужно* производить мыследействия...

И неважно, каким образом (в каких конкретных «технологиях») будут осуществляться эти требования, но *собирать мышление и действия нужно посредством коммуникации* (ГП регулярно указывал, что слой М-К – это стержень всей схемы, сцепляющий ее верх и низ), причем (буквально на изобретательском принципе «предварительного исполнения») именно она и будет их продуцировать (а ранее я уже указывал, что М-К – это «природа» мышления и действия), одновременно производя их согласование, требующее того, что мы называем «управлением» в ориентации на ранее поставленные цели. Слой М-К также нужен для перехода/перевода из ситуации самоопределения в коллективную работу: ошеломленного человека нужно оттуда вынуть и включить в общий и единый производительный процесс.

Именно в коммуникации и производится (прямо в говорении, расставляя разных позиционеров и маркируя их по местам их расстановки) «вкладывание»

одной деятельности в другую, закрепляя новое состояние волей и властью проектировщика/организатора, сцепленных с его целями и намерениями.

8. Напоследок хотел бы заметить маленький казус: в схеме МД мышление вообще-то отсутствует, поскольку оно там «только» в приговаривании, а не в схематизме, каковой был как в изначальных «горизонтальных» схемках²⁵, в «треугольной» схеме из «Атрибутивных структур мышления»²⁶, так и в разных вариациях схемы «квадрата»²⁷. Попутно заметим, что схема «квадрата» имеет скрытый смысл ее *обязательной полноты*: ее левая сторона, где подразумевается/закрепляется мышление, не будет работать, если ее правая сторона (с образами) активно не включена в работу, на что не обращалось внимания благодаря частой провокации самого ГП, объявлявшего областью методологии только ее левую сторону.

Значки же на схеме МД – это только ‘ярлыки’ (как на «рабочем столе» компьютера), указывающие на что-то или сущностное, или операциональное, имеющее собственное существование «за пределами» схемы. Они аналогичны, например, знаку интеграла, который просто означает, что с тем выражением, которое стоит справа от него, нужно проделать определенные преобразования.

9. Может, это будет и нескромно, но я бы сказал, что в предыдущих пунктах была сделана попытка проблематизации схемы МД. Этого вообще-то почти никогда не делалось, если не считать [вышеприведенный пример с Сергеем Наумовым](#) и, по-моему, одной попыткой Сергея Попова на какой-то новоуткинской игре. Не делалось это и на ОДИ-16, несмотря на то, что она была посвящена проблематизации в играх и самих игр²⁸. Интересно, что никогда не возникал вопрос, соответственно – и не звучал ответ об исторических корнях самой техники проблематизации. Но если отбросить некий консерватизм и прочесть незашоренными глазами следующий отрывок, то мы увидим, что истоки проблематизации рождались еще в Древней Греции:

«Величие греков не в том, что они уподобили богов людям, а в том, что они бесстрашно всматривались в природу человека, перенесенную в бога. В мире под властью ацтекского Уицилопочтли или древнегерманского Одина перед богами можно было только трепетать и безропотно склоняться. Эллин поклонялся своим богам, но он был любопытен до нескромности, дерзок и своеволен в своих отношениях с олимпийцами, не говоря уже о богах второстепенных. Ни в одной другой религии не появлялось столь критическое отношение к богам, нигде этот критицизм не вел так последовательно к их отрицанию.»²⁹

А что, если появление и таких мифических животных, как химеры, тоже было одним из множества моментов дошедшего до нас древнего опыта проблематизации (кого? да «естественной конструкции» любого животного, позволяя себе творчески выражаться в свободном конструировании), когда передняя часть животного бралась ото льва, задняя часть – от дракона, а средняя – от козы? Вполне можно было бы считать, что и вся древнегреческая мифология – это специальная область свободы (еще один Универсум?), открывающая широкие возможности для наработки техники критики и проблематизации, за что никому ничего не грозило.

Что здесь важно: проделанный ход рассуждений приводит к мысли, что и *сама схема МД есть также результат проблематизации*... чего? ну, конечно же – предыдущих программ, давших представления об отдельных друг от друга мышлении и деятельности. И на такой вывод прямо указывают некоторые тезисы практически базовой статьи об этой схеме:

«...с момента построения научной теории деятельности возник совершенно очевидный разрыв между схемами мышления и знаний, с одной стороны, и схемами деятельности – с другой. ... Поэтому начиная по крайней мере с 1962 г. шли непрерывные попытки решить эту проблему и найти схемы, **конфигурирующие представления** о мышлении и знаниях с представлениями о деятельности.

...

... по общей структуре и набору элементов эта схема во многом подобна тем схемам, которые использовались нами при обсуждении взаимоотношений организатора групповой работы с другими членами группы еще в 1964–1965 гг. ... Но эти последние, как легко выяснить, сличая схемы и сопровождающие их тексты, соответствовали совсем иным проблемным ситуациям и не несли того мыследеятельного смысла и тех интерпретаций, которые несла на себе схема, полученная в 1980 г. после ОДИ-3...

Последнее замечание подчеркивает важную роль и значение “словооблака” общей работы, в котором рождается схема и которое она должна снять и выразить в себе, чтобы стать средством разрешения проблемной ситуации и продолжения безразрывного полифонического процесса МД.»³⁰

О монологичности и диалогичности

Поскольку мы регулярно читаем и слышим это давнишнее противопоставление монолога и диалога, поэтому считаю нужным специально здесь отметить следующее: «диалог» ни в коей мере не антонимичен «монологу». Приставка «диа-» не означает «двух» – индивидов, субъектов, позиционеров и т.п. мест в таком образом фиксированном «разговоре», она заметно отличается от приставки «ди-», что означало бы «два». В этом смысле можно также сказать и в пандан Бахтину: одни слова проходят сквозь другие слова. У монолога антонимом будет не давно навязываемый всем «диалог», а – полилог.

Вспомним такой аппарат, как *диаскоп* или более усложненный – *эпидиаскоп*. Вспомним *диафильмы* или *диапозитивы*, которые были широко распространены в докомпьютерную эпоху.

Прозрачность и *просветность* – вот значимые особенности, которые несет на себе эта приставка «диа-». И не нужно вспоминать здесь нелепые объяснения про то, что якобы диалектика – это «с одной стороны... с другой стороны...».

Здесь главное то, что делает ‘слово’: оно *связывает автономно и порознь существующее*, делая стороны видными друг другу, проясняя их друг другу, не нарушая их суверенитет. И делает это, находясь ‘*между*’ ними. Это последнее – точное и важное из-за своей функциональности – значение древнегреческого слова подсказал мне мой старинный друг и коллега по методологии Марк Владимирович Рац, всегда внимательно читающий мои тексты, как и я – его, соответственно.

Меня также не беспокоят и те авторитеты, которые диалог рассматривали как антоним монологу, потому что мы все живем в мире, где столько интеллектуального мусора, что не всегда успеваешь отличить зерна от плевел. И авторитеты – тоже всего лишь люди. (В этой связи хорошим примером будет история с пресловутым «Словом о полку Игореве», которое авторитеты же переводили, не зная тюркские языки, и не желали признавать свои авторитетные нелепости.)

Уж точно не помню, кто из них – Бахтин и Хайдеггер – и что сказал: «слово – дом человека» и «язык – мир человека». У меня же тезис, как уже было сказано, покруче:

«человеческий Мир – это разговор».

Но чтобы любой разговор состоялся, нужно предполагать напротив себя *другого*, отличного от тебя человека. А если разговор предполагает переход уже к разворачиванию в будущем какой-то *определенной деятельности*, то хорошо бы, чтобы эти «другие» были особым образом специфицированы.

Ярчайший пример такой деятельностной специфичности мы находим у Галилея в его «[Диалоге о двух главнейших системах мира Птоломеевой и Коперниковой](#)». Правда, мало кто знает, что задолго до этой книги ее первым вариантом был текст «О приливах и отливах», написанный монологично, глубоко научным языком, предназначавшимся достаточно узкому кругу специалистов. Именно эта – первая – книга носила революционный характер, и Галилей ее никому особенно не показывал, пока его друзья не посоветовали дать ее почитать сидящему на тот момент в тюрьме Томмазо Кампанелле. И Кампанелла, сразу углядев опасность этого текста, понял, что нужна не конкурирующая «истина в последней инстанции», а *способ размышления об истинности*, что и было им предложено в виде диалога – создания разговорного круга из нескольких (функционально) определенных участников. А также именно он объяснил Папе Римскому, почему для него политически выгодно эту новую книгу издать. Правда, благодарности от Галилея Кампанелла так и не дождался...

Так что – да, диалог, *разговор*. А уж в нем-то и производится вышеупомянутая [объективация](#).

11.10.17

Редакция 5.02.18

Примечания

¹ Настоящая работа выполнена на основе текстов нескольких статей автора: [К текстам дуэта Рац-Котельников](#); [Молчание схем](#); [Высокое право](#); [Эскиз истории методологии](#); [Идея развития и схема-конфигуратор](#).

Постоянный адрес статьи: https://my.mail.ru/community/blog_valp_ros/1A74A1C38AC7EFAA.html.

² *Иммануил Кант*. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2015.

³ *Ренэ Декарт*. Рассуждение о методе. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1953, С. 51

⁴ На это весьма значимое обстоятельство много лет назад обратил мое внимание замечательный харьковский философ – В.В. Шкода (Царство ему Небесное!).

⁵ Что такое «быть человеком?» – это очень сложный вопрос, и если браться на него отвечать, то только через разнообразные и осторожно намечаемые тематизмы. В качестве же примеров таковых здесь хотелось бы сослаться как минимум на две весьма оригинальные работы, в интересных поворотах этот вопрос освещающие:

1. «До начала эпохи Нового времени общество разделялось на замкнутые сословия; всякому сословию соответствовал некий уникальный образ жизни, считающийся подходящим только для него и ни для какого другого, всякое сословие призывали «знать свой шесток», порицая все попытки высунуться за «ограду» определенного ему места в жизни. Сословия были элементами «великой цепи бытия», наглядным доказательством предопределенного порядка вещей; они жили вместе, равно древние и неизменные, оберегаемые от пагубного «взаимозаражения»; подражание тому, что находилось вне твоего сословия, не одобрялось и считалось нравственным извращением – грубым вмешательством в божественное мироустройство. Это не значит, будто идея карьерного роста была чем-то совсем уж неслыханным; напротив, представителей сословий побуждали стремиться к совершенству. Но различных идеалов совершенства было не меньше, чем самих сословий, и были они такими же сепаратными, недоступными извне и – теоретически – неподвластными переменам. “Самосовершенствование” означало, что человек стремится уподобиться образцу, закреплённому за его сословием, не заимствуя никаких элементов других образцов.» – Из: [Зигмунт Бауман. Законодатели и толкователи. Культура как идеология интеллектуалов](#);

2. «Вот, к примеру, ответьте мне на вопрос, что первичнее в вашем самопонимании: быть человеком, существом, принадлежащим к роду человеческому, или быть личностью, призванной к личностному росту, к личностному самоопределению и самореализации? Одно и то же ли, заниматься научной антропологией или заботиться о личностном росте, о большей выраженности личностных качеств, о наращивании психо-коммуникативных компетенций? Или – можно быть одним (человеком), не будучи другим (личностью)? Ведь далеко не все духовные и культурные традиции признают существование индивидуального личностного начала в человеке, – самодостаточного и определяющего нашу цельность!» – Из: [О.И. Генисаретский. О проживании жизни внутри нас самих – 09.04.06](#).

⁶ Ср., например, с красивой идеей В.В. Шкоды: [Владимир Шкода. Что же все-таки произошло в Вавилоне?](#)

⁷ Имеются в виду следующие доклады Г.П. Щедровицкого (Рукописи):

О единстве культуры // Новая Утка, 7.07.78;

Культуротехника и культурология с системодейательностной точки зрения (сообщение 1). М., 7.11.80;

Культурология и культуротехника (сообщение 2). М., 6.12.80;

Системодейательностный подход к культуре (сообщение 3). М., 16.01.81.

⁸ Ян Парандовский. Мифология. М.: Изд-во «Детская литература». 1971, с. 60.

⁹ Ян Парандовский. Мифология... Ibid. Сс. 34-35.

¹⁰ См. сноску 2 в: Ян Парандовский. Мифология... Ibid. С. 31.

¹¹ См. пояснения к рис. 6 в уже упоминавшемся докладе: Г.П. Щедровицкий. Культуротехника и культурология с системодейательностной точки зрения ([сообщение 1](#)).

¹² Ср.: «Ответственность перед жизнью приходит с того момента, когда начинаешь ощущать: то, что через нас течет – и время, в котором мы живем, и сама жизнь, толкушаяся в нас, – не есть наше создание, и не есть наша собственность. Принять святость жизни или хотя бы ценность её, значит начать обращаться с ней как со священным даром, и в то же время – как с энергией действия, залогом освобождения и спасения.» – Из: [О.И. Генисаретский. О проживании жизни внутри нас самих \(09.04.06\).](#)

¹³ [В.Я. Дубровский. Лекция 4. Онтологическая картина деятельности. 27.10.08. Схема 20.](#) Универсум воспроизводства // [В.Я. Дубровский. Введение в общую теорию деятельности. Цикл лекций. 2008.](#)

¹⁴ См., например: [Г.П. Щедровицкий. Система педагогических исследований \(методологический анализ\)](#) // Педагогика и логика. М., 1968 (тираж уничтожен). Опубликовано под заголовком: О системе педагогических исследований (методологический анализ) // Оптимизация процессов обучения в высшей и средней школе. Душанбе. 1970; [Г.П. Щедровицкий. М.: Педагогика и логика. Касталь. 1993.](#)

¹⁵ ОДИ-15 Город (1-й этап: Принципиальные задания на разработку программ развития, моделей и генплана города). Одесса, 23.04.81–25.04.82.

¹⁶ Описание смысла и назначения «модели-конфигуратора» см. в: [Г.П. Щедровицкий. Синтез знания: проблемы и методы](#) // В сб.: На пути к теории научного знания. М.: Наука. 1984, сс. 67-109.

¹⁷ См. сноску 61 к докладу Б.В. Сазонова по теме «Специфика схематизации в ММК» // IV-я Методологическая конференция по схематизации. – М., 24.06.10 (Эл. диск):

«... из методологического (соответственно, онтологического) рассмотрения выпала *воля*. Так, например, вполне можно созначить связку (может, силу), которая удерживает в единстве, в едином комплекте все элементы акта деятельности с волей. Ср.: “XXXII. – Без сомнения, все виды мыслительной деятельности (*modi cogitandi*), находимые нами у себя, могут быть отнесены к двум основным: из них один – восприятие или деятельность разума, другой – желание или деятельность воли. Ибо ощущение, воображение и чистый рассудок суть только различные виды воли.” – Из: Первая часть Начал философии. Об основах человеческого познания // Сочинения Декарта. Том первый. Казань. Типо-литография Императорского Университета. 1914, с. 23. (Цитата приведена в современной орфографии.)

... схема акта деятельности чуть ли не единственная из всех классических деятельностных схем..., которая всегда изображалась в рамочке. И далее – у нее эту эстафету подхватила схема мыследеятельности. Так почему бы *рамочке* не считаться онтологическим *знаком воли?*»

¹⁸ Некоторые соображения по этой теме см. в: [В.А. Проскурнин. Идеология... Идеология...](#)

¹⁹ Хорошо корреспондирующие с моими представлениями идеи высказаны в интереснейшей статье: [Николай Андрейченко, Андрей Реус. Апология идео-](#)

[логии, или Антидогматика. Про игры общества и власти с ненулевой суммой](#)
// Независимая газета. М., 24.10.2017.

²⁰ Из: [Билл Ридингс. Университет в руинах](#). М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 2010, с. 244.

²¹ См., например.: [Г.П. Щедровицкий. Смысл и значение \(1974\)](#) // Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит. 1995, с. 556.

²² Ср.: «Для человека творчество начинается с того момента, как он сам творится, т. е. рождается. Сейчас же начинается ряд воздействий на него снаружи, ряд, не прекращающийся уже в течение всей жизни человека. И вот тот материал, которым пользуется человек, и нет у него другого материала для его творчества.

Что же делает человек с этим материалом? Каковы его создания? Прежде всего человек занят тем, что приводит в порядок все эти непрестанные впечатления, получаемые им извне. Он строит из них и мир, и других людей, и свое “я”. “Как это так – строит? – подумает иной читатель, чего же тут строить, когда все это дано извне, существует: и Мирь, и другие, и “я”? Не строить приходится человеку, а только понимать”. Из десяти читателей непременно девять делают коренное различие между “пониманием” чего-либо данного и “выдумкой” чего-нибудь нового. Спешу, однако, предупредить этих читателей, что здесь отстаивается совершенно другая, если хотите, обратная точка зрения, а именно та, что то и другое в своей сущности одно и то же, т. е. что понять нельзя иначе, как создав себе новую мысль.

...

Что “понимание” есть своего рода творчество, это мы видим в жизни на каждом шагу, если дадим себе труд взглядеться. Я предполагаю, что вы, читатель, не юрист по профессии и что вы присутствуете при разговоре двух адвокатов друг с другом. Держу пари, что не поймете и половины того, что они намеками сообщают один другому. А они отлично друг друга понимают. В этом лежит тайна всякого “технического”, вернее, “профессионального” языка: слово одно, мгновенно, без усилия, вызывают в душе слушателя сложные представления координированных вещей и действий. На это, конечно, вы мне справедливо возразите, что это дается лишь благодаря тому, что эти сложные представления уже раньше координированы в душе слушателя... Правда, но согласитесь со мной, что подготовлены только, хотя и сложные, но все же только элементы того нового их сочетания, которое в данное время возникает в душе слушателя, благодаря речи говорящего. И вы еще больше в том убедитесь, если вспомните, что в тех случаях, когда вы слушали специалиста чуждой вам профессии, то вам приходилось производить трудную творческую работу для того, чтобы только его понять.» – Из: [Энгельмейер П.К. Теория творчества](#). М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. (Цитата приведена в современной орфографии.)

²³ Ср.: «Относительность знания, явствующая из эмпирического опыта, обусловленность истины, здравого смысла и вкуса гласными или негласными предпосылками, которые укоренены в общинных традициях, – все это было

досадной помехой для дискурса культуры, ориентированного на законодательную миссию; проблемой, которую следует разрешить в теории и вдобавок устранить на практике. Для «переводческой» стратегии относительность – не просто переходная стадия, но бесспорно существующее, предварительное экзистенциальное условие познания. Ее не нужно осуждать, с ней не стоит бороться – напротив, из нее следует делать выводы, к ней должно приспособляться. Онтология, порожденная «переводческой» стратегией, легитимирует последнюю в интеллектуальной модальности: в этой онтологии определение «реальный» не может относиться ни к чему, кроме языка. Для этой онтологии мир – это intersubъективный мир коммуникативной деятельности, где под «работой», как у Шюца [11 – Schutz A., Luckmann T. *The Structures of the Life World*. London: Heinemann, 1974.], понимаются необратимые изменения и преобразования сознания собеседников – а именно их «гносеологических картин мира», запасов знаний или иерархий приоритетов. В таком мире знание не имеет внеязыковых критериев верности, его постижение возможно только внутри общего, подкрепляемого коммуникацией запаса знаний участников. Плурализм – неустранимая черта такого мира. Самой заметной философской проблемой здесь – в мире, где нормальная компетентность участников, во всех прочих отношениях являющихся хорошо осведомленными людьми, без чужой помощи окажется бесполезна, – является коммуникация между системами знания, замкнутыми внутри своих запасов знаний, и важными системами общего пользования. Здесь интерпретация-перевод, в иных ситуациях осуществляемая участниками автоматически и в основном адекватно, требует особых умений, редко вырабатывающихся в обыденной жизни.» – Из: [Зигмунт Бауман. Законодатели и толкователи. Культура как идеология интеллектуалов.](#)

²⁴ Ср.: «Самой впечатляющей из поправок к нему (к понятию «культура». – В.П.) стала новооткрытая «безличность» культуры, устранение из модели культуры такого элемента, как «автор», – будь то законодатель или воспитатель. Концепция культуры как деятельности, которая, по определению, осуществляется одной частью населения по отношению к другой, вытесняется концепцией спонтанного процесса, не имеющего административных или правящих центров, не подчиняющегося каким бы то ни было генеральным планам, осуществляемого силами, которые распределены диффузно. Наиболее исчерпывающе эта спонтанность и безличность культуры явлена в образе языка.» – Из: [Зигмунт Бауман. Законодатели и толкователи. Культура как идеология интеллектуалов.](#)

²⁵ [Г.П. Щедровицкий. «Языковое мышление» и его анализ, 1957.](#)

²⁶ [Г.П. Щедровицкий. Атрибутивные структуры в «языковом мышлении», 1967 \(Рукопись\).](#)

²⁷ [Г.П. Щедровицкий. О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик, 1962.](#)

²⁸ См.: ОДИ-16. Процессы проблематизации в оргдеятельностных играх // Организационно-деятельностные игры. М.: Наследие ММК. 2017.

²⁹ *Николай Дубов. Почему нужно знать античную мифологию // Ян Парандовский. Мифология. М.: Изд-во «Детская литература». 1971.*

³⁰ *[Г.П. Щедровицкий. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание](#) // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М.: Наука. 1987, с. 124; *Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит, 1995, с. 281.**